Visual Images of the Frontier: Tyva and Tuvans in the Expedition Photographs of P. E. Ostrovskikh (1897) in the collection of MAE RAS (the Kunstkamera)

Natalia A. Chernyaeva

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg, Russia. Email: chernyaeva[at]kunstkamera.ru
ORCID https://orcid.org/0000-0002-8631-454X

Received: 4 June 2025 | Revised: 30 June 2025 | Accepted: 12 July 2025

Abstract

This paper examines a collection of photographic negatives taken by Russian ethnographer P. E. Ostrovskikh during his 1897 expedition to the Uryankhai region, currently housed in the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (the Kunstkamera). The paper explores the themes and genres represented in the photographs, as well as the photographic conventions employed, to reveal how frontier interactions between diverse political and ethnic groups, cultures, and lifestyles were visually constructed. The classification of recurring themes and subjects highlights the collection's exceptional thematic breadth. These visual records depict the local autochthonous population, Chinese administrators, Buddhist clergy, and Russian settlers, alongside various aspects of everyday life and traditional culture, including environmental conditions, physical characteristics, housing, religious practices, and childhood rituals. The visual contrast between photographs of indigenous people taken in the style of "anthropological" or "ethnographic" photography, as it was understood during that period, and those of Russian settlers, captured in the aesthetics of studio portraits, highlights the unequal sociocultural status of the frontier groups. As a representative of Russian imperial science, Ostrovskikh used photography to document both the economic potential and the prospects for commercial development in the region, dedicating a significant portion of the collection to the economic activities of the Russian population.

Keywords

Frontier Studies; Ethnographic Photography; Visual Anthropology; Tyva; Tozhu Tuvans; Uriankhay Krai; P. Ostrovskikh; The Kunstkamera; Museum Collection

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Journal of Frontier Studies. 2025. No 3 | ISSN: 2500-0225
Frontiers of the Russian Empire | https://doi.org/10.46539/jfs.v10i3.753

Визуальные образы фронтира: фотографии Тывы и тувинцев из экспедиции П.Е. Островских 1897 года собрания МАЭ РАН (Кунсткамера)

Черняева Наталья Анатольевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
Санкт-Петербург, Россия. Email: chernyaeva[at]kunstkamera.ru
ORCID https://orcid.org/0000-0002-8631-454X

Рукопись получена: 4 июня 2025 | Пересмотрена: 30 июня 2025 | Принята: 12 июля 2025

Аннотация

В статье анализируется прежде не рассматривавшаяся в научной литературе коллекция фотонегативов, снятых в ходе экспедиции русского этнографа П. Е. Островских в Урянхайский край в 1897 г. и хранящаяся в Музее антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера). Статья анализирует тематику и жанры фотографий, а также типы и конвенции съемки, выявляя способы визуализации сложившихся на этой территории фронтирных взаимодействий между множественными политическими и этническими акторами, культурами и жизненными укладами. Классификация повторяющихся тем и сюжетов позволила сделать вывод об уникальном тематическом разнообразии коллекции. Визуальные образы местного автохтонного населения, чиновников Китайской администрации, буддийского духовенства и русских поселенцев показаны в различных аспектах повседневной жизни и традиционной культуры от природных условий, типов жилища, физических и антропологических особенностей до религиозных обрядов и детских ритуалов. Визуальный контраст между фотографиями «инородцев», снятых в стилистике «антропологического» или «этнографического» фото, как они понимались в тот период, и фотографиями русских поселенцев, сделанных в эстетике студийной фотографии, обнажает неравный социокультурный статус фронтирных групп. Как представитель российской имперской науки, Островских фиксировал с помощью фотокамеры экономический потенциал территории и возможности промыслового освоения региона, посвящая большой объем фотографий хозяйственной деятельности русского населения.

Ключевые слова

фронтирные исследования; этнографическая фотография; визуальная антропология; Тыва; тувинцы-тоджинцы; Урянхайский край; П. Е. Островских; Кунсткамера; музейная коллекция

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

Введение

В 1897 году историк и этнограф народов Сибири, собиратель музейных коллекций Петр Евгеньевич Островских совершил экспедицию в Урянхайский край (современная Тыва), во время которой он сделал, вероятно, самые ранние полевые фотоснимки[1], созданные русским путешественником в этом пограничном регионе. Оттиски фотографий из этой экспедиции хранятся сегодня в Российской Национальной библиотеке, Российском этнографическом музее и Минусинском региональном краеведческом музее. Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) в 1936 году приобрел у Островских 129 негативов фотографий его путешествия, став таким образом хранителем самого обширного собрания снимков экспедиции (коллекция МАЭ И-1056). Данная статья – первая попытка описать и проанализировать коллекцию, которая прежде специально не изучалась, хотя некоторые снимки из нее вошли в научный оборот в качестве иллюстраций к современным работам об истории и этнографии Тывы[2].

В конце XIX века Урянхайский край входил в состав Китайской империи, однако, начиная примерно с 1830-х годов, он постепенно заселялся российскими подданными, среди которых были староверы, купцы, золотопромышленники и крестьяне близлежащих сибирских губерний (Рязанцев & Смирнов, 2022). Миграция российского населения в Урянхайский край дала толчок возникновению территориальных споров, известных как «Урянхайский вопрос», который особенно остро встал после революции 1912 года в Китае и провозглашения Монголией независимости: теперь «Урянхайский край считали своим Монголия, Россия и Китай» (Кузьмин, 2018). В конце 1890-х годов, о которых идет речь в статье, эта территория обладала многими чертами фронтирной зоны: в ней шло первоначальное промысловое освоение природных ресурсов, а также происходило взаимодействие множества экономических и культурных укладов, привнесенных российскими переселенцами, местным автохтонным населением, китайской администрацией и буддистским духовенством.

Целью работы является анализ коллекции фотографий Островских в аспекте того эвристического потенциала, который предоставляет исследователю теория фронтира[3], направляющего внимание на разнообразных акторов и

1 В МАЭ РАН хранятся фотографии А.В. Адрианова «Коллекция видов и типов Северо-Западной Монголии» 1879 года, из которой семь фото сделаны предположительно на территории современной Тывы (Иванов, 2014). Все снимки представляют собой погрудные изображения жителей Урянхайского края в фас и профиль на нейтральном фоне и дают ограниченную информацию о регионе.

2 Фотографии Островских, в числе других визуальных источников, иллюстрируют многотомную антологию «Урянхай. Тыва дептер» (2014), соединившую научные труды, просветительские и публицистические работы российских и зарубежных ученых, посвященные истории и археологии Тывы.

3 Границы и применимость концепта «фронтир» в отечественной историографии остаются дискуссионными (см., например, Басалаева и др., 2020). Тем не менее, большинство авторов сходятся во мнении, что фронтирный подход «успешно применяется для обобщения многообразных контактов,

множественные взаимодействия, пронизывающие гетерогенную реальность пограничья. Как будет показано ниже, Островских создал в своих фотографиях образ пространства, в котором действуют разнообразные социальные и этнические субъекты (женщины, мужчины, дети, коренные жители, приезжие, метисы), а также различные связи (между человеком и природой, и между экономическими, бытовыми и религиозными укладами и т.д.). Статья анализирует тематику и жанры фотографий (пейзаж, индивидуальный портрет, групповой портрет и т.д.), типы и конвенции съемки (антропологический vs. этнографический портрет, студийная съемка и т.д.), выявляя типы и способы визуализации социокультурных взаимодействий.

Методологически работа опирается на исследования, принадлежащие нескольким академическим дисциплинарым полям. Во-первых, это отмеченные уже фронтирные исследования в российской историографии. Это направление значительно эволюционировало с конца 1990-х–начала 2000-х годов, когда понятие фронтира было впервые введено в отечественный научный оборот (см. Агеев, 1997; Замятина, 1998; Резун & Шиловский, 2005; Басалаева, 2012). Сегодня многие ученые призывают к исследованию как социально-географического, так и символического измерения фронтирных взаимодействий (Сень, 2020, с. 68, 73). Как отмечают И. Головнев и Е. Головнева, «в современных философско-культурологических исследованиях пространство фронтира в большей степени определяется как ментальное, социокультурное, нежели физическое» (Головнев и др., 2018, с. 210). Предпринятый в статье анализ образов отдаленной окраины Российской империи, созданных с помощью фотографии, опирается на уже наработанную традицию исследований визуальных и, шире, культурных репрезентаций фронтирных территорий.

Важным методологическим основанием работы является также корпус исследований по истории фотографии, в которых изобретение и эволюция фотографической техники в XIX веке и колонизация новых земель рассматриваются как синхронные и взаимообусловленные процессы. Большинство работ этого типа выполнены на материале истории США, где «освоение Запада и фотография шли параллельно друг другу, … американцы осваивали фотографию как новый медиум и новые территории одновременно» (Sandweiss, 2000, p. 4). Отмечая огромную востребованность фотоизображений новых территорий в XIX веке как среди представителей государственных и коммерческих структур, так и у обычной публики, историк фотографии Вильямс показывает прямую связь между фотографической фиксацией новых территорий и их колонизацией: «Фотоаппарат служил инструментом англо-американской колонизации и поселения, начиная с самых первых землемеров, которые использовали фотографию для официального нанесения границ земли. Иссле-

взаимодействий, конфликтов и практик их преодоления в условиях отсутствия институционализированных государственных границ, а также пограничного статуса территории» (с. 86).

дователи с фотоаппаратами … участвовали в картографировании «девственных» территорий Запада» (Williams, 2007, p. 31).

Наконец, работа опирается на методы визуальной антропологии, рассматривающей приемы и способы конструирования образа этнического другого с помощью визуальных медиа. С изобретением фотографии изображения представителей народов, проживавших на территории России, стали предметом специализированного производства и массового распространения. Российские этнографы начали целенаправленно использовать фотографию в своих исследованиях в 1860-е годы, а начиная с 1870-х годов формулируются методики по созданию этнографической фотографии (Толмачева, 2011). Контекст становления российской этнографической фотографии важен для осмысления приемов съемки и визуального языка Островских, позволяя выявить как типологические, так и индивидуальные, авторские черты созданных им образов. Не менее важным аспектом визуальной антропологии является анализ визуальных источников, в том числе фотографий сквозь призму особенностей этнической истории Тывы (Ламажаа, Майны & Кужугет, 2024).

Актуальность исследования этой коллекции состоит еще и в том, что многие фотографии циркулировали в качестве книжных иллюстраций и музейных экспонатов десятилетия спустя после того, как фото были сделаны. Так, в 1927 г. Островских издал книгу для детей «среднего и старшего возраста» тиражом 7000 экз. о тувинцах, вставших на путь строительства новой жизни, и иллюстрировал ее своими фотографиями из поездки. Визуальные образы, созданные в 1897, направляли воображение детской аудитории, позволяя представить реалии, незнакомые детям большинства регионов СССР: шамана, берестяную юрту, тувинцев в традиционных одеждах и т. д. Даже сегодня статья в Википедии о тувинцах-тоджинцах проиллюстрирована фотографией Островских из экспедиции 1897 года[1]. Экспедиционные фотографии, созданные в конце XIX века, продолжают циркулировать в символическом поле этнического воображаемого и сегодня, направляя и структурируя восприятие широкой аудитории.

«Затронуть этот народец в этнографическом отношении»: экспедиция П. Е. Островских 1897 года в Урянхайский край

П. Е. Островских (1870 – 1940) принадлежал тому поколению российских этнографов, которые получили образование и сформировались как специалисты на рубеже XIX и XX веков, а к 1917 году обрели известность в профессиональном сообществе. Многие ученые этой когорты смогли продолжить работу в области этнографии и народоведения и после революции, но были вынуждены адаптироваться к изменившемуся социальному заказу. До революции 1917 года Островских был известен своими краеведческими, этнографическими

1 Тувинцы-тоджинцы. (б. д.). https://ru.wikipedia.org/wiki/Тувинцы-тоджинцы

и фольклорными исследованиями в Восточной Сибири (Таймыр, Туруханский край, Минусинский округ, Урянхайский край). Он увлекался сбором этнографических коллекций для музеев и фотографированием, и его коллекции и фотографии находятся сегодня в Российском этнографическом музее, МАЭ РАН (Кунсткамера), Берлинском этнологическом музее, Красноярском краевом краеведческом музее и Минусинском краеведческом музее. Его вклад в науку и музейное дело в дореволюционный период довольно хорошо описаны в ряде биографических очерков (Вдовин, Данилейко & Ипполитова, 2010; Саввинов, 2017). После 1917 года Островских успешно адаптировался к изменившемуся рынку труда и реализовал себя как администратор и популяризатор науки. Данилейко и Ипполитова довольно точно описывают его карьеру после 1917 года (Данилейко & Ипполитова, 2015). Он работал в Комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, был одним из руководителей Отдела изучения человека и быта в Обществе изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока и старшим научным сотрудником Центрального музея народоведения (Отдел Сибири). Островских был членом редколлегий и постоянным автором журналов «Северная Азия» и «Советский Север», часто публикуя обзоры литературы в библиографических разделах этих журналов. Примерно с конца 1920-х годов Островских активно занимался популяризацией этнографических знаний. Он был главным редактором уникальной серии плакатов для школ «Народы СССР: Очерки труда, быта и природы» (1929), в создании которой приняли участие известные художники и иллюстраторы того времени. Островских написал несколько научно-популярных брошюр для детей, посвященных коренным народам Севера и Сибири, был соавтором книги для чтения в туземных школах «Наш Север» (1927). В 1934 году он получил персональную пенсию (Данилейко & Ипполитова 2015, с. 495), которая в те годы назначалась «за исключительные заслуги перед Республикой в области революционной и профессиональной деятельности, а также в области науки, искусства и техники» (Совет народных комиссаров, 1923).

В 1897 году Островских был еще молодым ученым, недавно закончившим естественнонаучное отделение Санкт-Петербургского университета (в 1896 году). Некоторые моменты в планировании и осуществлении экспедиции, о которых пойдет речь ниже, выдают в нем не слишком опытного путешественника и организатора. Экспедиция в Урянхайский край была второй этнографической экспедицией Островских, поддержанной авторитетной научной организацией, в данном случае – Императорским Русским Географическим обществом. До этого, в 1894 году, Академия наук командировала его в Минусинский округ для изучения хакасов (минусинских татар), и результатом командировки также явилась довольно большая коллекция фотографий, хранящихся сегодня в МАЭ РАН и РЭМ.

Фраза, использованная в подзаголовке, взята из отчета П. Е. Островских ИРГО (Островских, 1898, с. 424). По словам Островских, ему первому из русских

ученых[1] удалось произвести сбор этнографического материала среди тувинцев-тоджинцев, населявших Тоджинский хошун на северо-востоке Урянхайского края. Островских описывает тоджинцев как довольно малочисленный народ, живущий «разреженно» – отсюда, вероятно, и использование уменьшительного варианта «народец». Контакты представителя российской науки и местных жителей были сложными для обеих сторон: Островских признавал, что его сведения о тоджинцах носят отрывочный и предварительный характер, в том числе и потому, что его «наблюдения и расспросы, и фотографирование, и приобретение этнографических коллекций, и измерения антропологические возбуждали повсюду удивление, порождали разные кривотолки и обычные в этих случаях подозрения по адресу русского правительства, посылающего якобы своих агентов» (с. 430). Отчасти такое недоверие было вызвано тем, что Островских и его спутник, М. И. Райков, действовали на свой страх и риск, не имея разрешения от местных властей на проведение исследований. Несмотря на сложности, поездка дала впечатляющие результаты. Островских собрал значительную коллекцию материальных и культовых предметов, большая часть которой была отправлена в Берлинский этнологический музей, а также в Минусинский краеведческий музей. Он также собрал впечатляющий статистический, антропологический, лингвистический и фольклорный материал, ихтиологическую и орнитологическую коллекции (Данилейко & Ипполитова, 2015, с. 493). Наконец, путешественник сделал множество снимков, привезя из экспедиции не менее 135 фотографий[2].

Экспедиция Островских довольно хорошо задокументирована. Помимо плана экспедиции и краткого отчета, опубликованных в Известиях ИРГО (Островских, 1897; 1898), результаты поездки отражены в докладе, прочитанном в Отделении статистики ИРГО «Значение Урянхайской земли для Южной Сибири» (1899), воспоминаниях его спутника Райкова (Райков, 1898), а также рукописном словаре языка тувинцев-тоджинцев, содержащим имена, песни и образцы речи, хранящемся в архиве Русского Географического общества (Ф. Р-90, Оп. 1, Д. 29). Кроме того, Островских вернулся к материалам экспедиции десятилетия спустя, опубликовав в журнале «Северная Азия» научную статью «Оленные тувинцы» (Островских, 1927a). Наконец, увлекшись в 1920-е годы написанием популярных книг по народоведению, он еще раз использовал материалы экспедиции в научно-популярной книге для детей «Саянские хищники» (1927b).

Благодаря опубликованным материалам, известны хронология и маршрут экспедиции, места, где путешественники останавливались для проведения полевых исследований и фотографирования. Островских и Райков выехали

1 Исследователи истории освоения Тывы подтверждают, что поездка Островских была первой среди орг низованных ИРГО экспедиций с целью целенаправленного изучения природных условий Тывы, культуры и быта тувинцев, заложив основания научной этнографии региона (Вайнштейн, 1961; Иргит, 2023).

2 В дополнение к 129 негативам, хранящимся в МАЭ РАН, 27 отпечатков фотографий хранятся в Российском этнографическом музее, при этом пять снимков из РАМ отсутствуют в коллекции Кунсткамеры.

из Минусинска 10 июля и вернулись обратно в Минусинск 9 октября, т. е. провели в экспедиции в общей сложности три месяца. Островских детально описывает маршрут экспедиции в своем отчете ИРГО:

> Подыскание проводника, знакомого с урянхайским языком, приобретение верховых лошадей, пищевых продуктов, подходящих товаров, как предмет обмена, ознакомление с этнографическими коллекциями музея – все это позволило выехать из Минусинска лишь 10 июля. 13 июля мы были в селе Кужебар (на юго-восток от Минусинска) и затем направились вверх по р. Амылу, одной из трех рек, образующих р. Тубу (правый приток Енисея). Перевалили Саянский хребет (гора Алгаяк [Алгыяк]), перешли границу и направились по р. Алгаяк, впадающей в р. Систи-кем [Сыстыг-Хем]). Пошли вниз по Систи-кему и прибыли к его устью. От Систи-кема вверх по реке Пэг-кэм [Бий-Кем] до р. Тора-Кэм [Тоора-Хем] два дня пути и отсюда один день до Тоджи-куль [Тожу-Холь, современный Азас] (озеро) – это был крайний восточный пункт моей поездки. 15 августа я отправился обратно от устья Систи-кема вниз по Пэг-кэму на большом рыбачьем плоте, 17 августа прошли чрезвычайно опасный порог на р. Ут (Хут); 19-го плот достиг места слияния Пэг-хэма с Ка-хэмом, образующих Улуг-кэм [Улуг-Хем]. 1 октября доплыли до устья реки Ус и 9 октября я был снова в Минусинске (Островских, 1898; 424-425).

Как видно из приведенного отрывка, движение экспедиции осуществлялось в основном по рекам, и лишь небольшие отрезки расстояний участники проходили верхом на лошадях. Райков в своих воспоминаниях уточняет, что 1 августа путешественники добрались до фактории казака Садовского в устье реки Тоора-Хем, чтобы наблюдать за праздником «Майдыр», который проходил в местном буддийском монастыре. Помимо этнографического интереса, посещение праздника имело и практическое значение: на нем ожидалось присутствие главы хошуна, огурды (угурды), от которого путешественники надеялись получить разрешение «путешествовать по его владениям, покупать предметы для этнографической коллекции» (Райков, 1898, с. 435). К сожалению, такое разрешение получено не было, так как у участников экспедиции не оказалось специальных паспортов, выдаваемых российским пограничным представительством в селе Верхнеусинском. Огурда потребовал, чтобы путешественники ограничили свой маршрут уже пройденным расстоянием и возвращались в Россию вскоре после окончания праздника (с. 437). Судя по описанию маршрута поездки, приведенному выше, Островских не вполне подчинился требованиям местных властей: экспедиция продолжалась еще почти 70 дней, в ходе которых участники прошли по рекам Енисейского бассейна не менее 600 км.

Отсутствие разрешения от властей на проведение исследований создавало определенные ограничения для экспедиции. Островских рассказывает, как тувинцы одного из улусов, сначала согласившись на фотографирование и антропометрические измерения, впоследствии просили удалить записи, так как один из жителей улуса, вернувшись вечером с охоты, запугал всех: «придет, говорил он, китайское начальство и перепорет всех, а не то и головы

снимет» (Островских, 1898; с. 430). Наличие разрешения от главы хошуна, вероятно, облегчило бы коммуникацию с местным населением, создав больше возможностей для наблюдений и фотографирования.

Ни в отчете об экспедиции, ни в более поздних опубликованных материалах Островских мы не находим описания процесса съемки несмотря на то, что фотографирование в полевых условиях в тот период требовало определенных усилий и тщательного планирования. Как отмечают специалисты по истории отечественной этнографии, появившиеся на рубеже XIX и XX веков облегченные дорожные камеры упрощали процесс съемки, обеспечивая при этом высокое качество снимков в дорожных условиях (Резван, 2016, с. 186). Но даже наличие относительно легкого и простого фотоаппарата не отменяло необходимости везти в экспедицию довольно большой объем стеклянных пластинок для негативов и химикатов для проявки (с. 188). Островских почти не затрагивает тему фотографирования, за исключением отмеченного выше сетования на «неразвитость» местного населения, отказывавшегося фотографироваться из-за предрассудков, а также описания истории, стоявшей за одним из снимков. Рассказывая о своем возвращении в Минусинск в сентябре 1897 г. на плоту, принадлежавшем артели рыбаков, он уделяет несколько страниц драматическому прохождению плотом порога не реке Ут, который считался самым серьезным препятствием на Верхнем Енисее. В момент прохождения порога Островских был на берегу, обходя порог по суше, и имел возможность сфотографировать драматический момент:

> Вошел плот в волны порога, исчез весь под волнами и только старик лоцман с торжественным лицом и седыми развивающимися волосами без шапки стоял на своем месте, снова мелькнул плот, раздалась какая-то команда, понятная гребцам лишь по движению руки лоцмана, еще раз исчез, вынырнул и когда я, оставаясь не берегу, закрыл кассету фотографического аппарата и посмотрел в след плота – его уже не было. Должно быть – благополучно. (Островских, 1899, с. 346).

Островских сделал три снимка, пытаясь зафиксировать момент прохождения порога: это негативы МАЭ И 1056-3/1, МАЭ И 1056-3/2 и МАЭ И 1056-3/3. К сожалению, расстояние от камеры до плота было слишком велико, чтобы запечатлеть детали плота и тем более людей на нем; на снимке хорошо видны лишь черты окружающего пейзажа. Островских снабдил снимок подробным комментарием, вероятно стремясь компенсировать дефициты визуального ряда: «Утинский порог (на р. Ут, впадающей в Пэг-Кхэм). Рыбачий плот (русский) идет через порог; виден только седой лоцман; остальные под водой».

Осознавая семиотический зазор между снимком и описанием, фотограф и в других случаях давал максимально детальные названия своим фотографиям, снабжая их подробными комментариями. Совокупность материалов экспедиции свидетельствует, что фотография была лишь одним из средств

изучения и документации объектов Урянхайского края и этнографии проживающих там народов, наряду с текстовыми заметками и коллекциями предметов.

Общая характеристика коллекции и ее тематические разделы

Согласно записи в Книге поступлений и музейной описи, коллекция негативов была куплена музеем у Островских в 1936 году за 708 рублей. Островских снабдил работы списком с названиями и комментариями, который он озаглавил «Командировка П. Е. Островских, от Русского географического общества в 1897 г. и от Берлинского Museum für Völkerkunde в Урянхайскую землю». Список частично напечатан на пишущей машинке, а частично – написан от руки. Коллекция была зарегистрирована в 1940 году сотрудницей МАЭ Н. Ф. Прытковой, которая составила опись негативов, используя при аннотировании снимков записи фотографа. После того, как каждому негативу бы присвоен музейный номер, регистратор вписала эти номера карандашом в список Островских.

Коллекция состоит из 129 негативов – стеклянных пластин преимущественно двух размеров: 13 см х 8 см и 9 см х12 см. На большинстве негативов сохранилась авторская нумерация снимков: в правом нижнем углу видны цифры, сделанные красными чернилами, соответствующие их номерам в авторском списке. Пять негативов получены путем фотографирования прежде сделанных отпечатков фотографий. Судя по описи, эти негативы были сделаны до передачи коллекции в музей, видимо, чтобы восполнить отсутствующие пластины и передать максимально полный набор фотографий экспедиции.

Тематически фотографии можно сгруппировать в несколько разделов. Островских в своей классификации выделил два больших раздела: «Урянхи (сойоты) Тоджинского хошуна» и «Западная часть Урянхайской земли». Эта классификация соответствовала географии фотографирования: большая часть снимков была сделана на территории Тоджинского хошуна, в устье реки Тоора-Хем, где находилась торговая фактория казака Садовского, недалеко от монастыря Овгоон-хурэ, упоминаемого в записках Райкова. Меньшая часть фотографий была снята на севере Урянхайского края, недалеко от границы с Енисейской губернией, в районе слияния реки Хемчик с Енисеем (Улуг-Хем). Для Островских такое тематическое деление позволяло подчеркнуть отличие тувинцев-тоджинцев от тувинцев других хошунов, называемых им «западными тувинцами». Именно этнографическое описание тоджинцев он считал своим наиболее значительным вкладом в этнографию этого региона, многократно подчеркивая в своих работах отличие тоджинцев от западных тувинцев с точки зрения антропологии, бытового уклада, типов хозяйствования и даже национального характера.

Регистратор коллекции использовала более дробную тематическую классификацию, распределив фотографии по следующим темам: «Общие виды местности», «Тувинцы тоджинского хошуна» (а. Типы и группы населения; б. Общественный строй; в. Жилище; г. Предметы быта; д. Культ), «Тувинцы Западной части Урянхайской земли»; «Русские торговцы Урянхайской земли»; «Экспедиционные снимки». Основываясь на этом тематическом делении, Прыткова сгруппировала фотографии и присвоила им номера музейной коллекции. Ее классификация дает представление о многообразии тем, объектов и персонажей, которые попали в объектив Островских, однако отражает не все типы сюжетов, которые представлены на фотографиях. Кроме того, большинство фотографий в коллекции тематически неоднородны, так как изображают несколько явлений или взаимодействие персонажей, принадлежащих разным социальным мирам.

Для более детальной характеристики сюжетов и тем в фотографиях мы использовали метод тематического кодирования, присваивая каждой фотографии предметные теги, часто больше одного. Номенклатура тегов частично совпадает с тематической классификацией Прытковой, но расширяет ее. Мы ввели тематические теги «дети», «болезнь» и «промыслы», учитывая повторяемость этих сюжетов в фотографиях. Тему «русские торговцы» мы разбили на два тега: тег «русские местные» присваивался фотографиям, изображающих русских поселенцев изолированно от «туземцев», а тегом «русские и местные» маркировались снимки, на которых видно взаимодействие местного автохтонного населения и русских. Таблица 1 показывает распределение тем в фотографиях.

Как видно из таблицы, «портреты инородцев» составляют наиболее частотный сюжет в фотографиях. Сюда относятся портреты коренных жителей Урянхайского края, а также представителей монгольской администрации и фотографии лам местного монастыря. По своим визуальным особенностям портреты распадаются на две большие группы. Значительная часть портретов представляют собой поясные изображения в двух проекциях – в фас и профиль. В этом типе снимков используется максимально нейтральный фон: часто это белая простыня, повешенная на стену. Подавление фона означало отсутствие бытового контекста и акцент на физических данных модели. Такой прием фотографирования соответствовал представлениям об «антропологическом фото», принятом в этот период. Описание «антропологического фото» можно найти в инструкциях для фотографов, опубликованных в Известиях Русского географического общества в 1872 году: «Для портретов следует избирать прямые проекции и в каждом случае, если возможно, делать лицевой (с фаса) и боковой (в профиль) виды головы. … Голова и грудь … должны быть сняты в обнаженном виде. Освещение должно быть простое и чистое, чтобы получились ясные очертания, для чего следует выбирать белый или светлый фон» (Мелкие известия, 1872, с. 86).

Table 1. Representation of individual themes in the photographs of the collection

Таблица 1. Представленность отдельных тем в фотографиях коллекции

№	Тема		Количество изображений
1	портреты инородцев		52
2	пейзаж		34
3	религия	всего фотографий	34
		буддизм	23
		шаманизм	11
4	материальная культура		23
5	русские местные		18
6	дети		14
7	русские и местные		12
8	жилище		11
9	хозяйственная деятельность, промыслы		8
10	общественные отношения		6
11	болезнь		6
12	экспедиция		5
13	фотографирование		1

Где возможно, Островских производил съемки в соответствии с конвенциями антропологической фотографии, снимая свои модели в двух, а иногда и в трех проекциях – в фас, в профиль и со спины. Такова фотография, озаглавленная «Девушка 28 лет, Алдымай. «Ак-чоды», местность Толбул (МАЭ И 1056-17/1; МАЭ И 1056-17/2; МАЭ И 1056-17/3). В большинстве снимков такого типа моделями служат жители улусов – мужчины и женщины, пожилые и молодые, всего 12 моделей (Рисунки 1, 2).

Ему также удалось сделать фотографии в фас и в профиль лам монастыря, хотя таких фотографий меньше (8 моделей, 9 фото). Требование инструкции снимать голову и грудь моделей в обнаженном виде Островских смог применить в довольно ограниченном масштабе: есть фотография ребенка, снятого в профиль обнаженным до пояса (МАЭ И 1056-10/2), а также три фотографии женщин-тувинок с обнаженной грудью (МАЭ И 1056-15, МАЭ И 1056-16, МАЭ И 1056-20). Фотографий мужчин, где модель была бы показана без одежды, всего одна (МАЭ И 1056-6). Как видно из отчета Островских для ИРГО, антропологические снимки должны были сочетаться с антропометрическими измерениями урянхайцев. Островских был большим поклонником антропометрии, которая, по его мнению, превосходила традиционные визуальные наблюдения по своей объективности, достоверности и возможности

сравнения количественных показателей от одного этноса к другому. Фотографии в совокупности с измерениями должны были выявить физические и физиогномические «типы», преобладающие в народе. Для этого Островских фиксировал показатели роста для мужчин и женщин, размеры головы и лица, обхват груди, длину ступни, формы черепа, носа, цвет радужки, цвет волос и др. (Островских, 1898, с. 430-431). Всего ученому удалось провести измерения 34 человек по 26 показателям (с. 430-431).

Рисунок 1. П.Е. Островских. Оцифрованный негатив. Мужчина 32-х лет. Тувинец. Осур, «ак-годы», в фас. 1897. МАЭ И 1056-8/1

Figure 1. P. E. Ostrovskikh. Digitized negative. Male, 32 years old. A Tuvan. Osur, "ak-gody," en face. 1897. MAE I 1056-8/1

Рисунок 2. П.Е. Островских. Оцифрованный негатив. Мужчина 32-х лет. Тувинец. Осур, «ак-годы», в профиль, 1897. МАЭ И 1056-8/2

Figure 2. P. E. Ostrovskikh. Digitized negative. Male, 32 years old. A Tuvan. Osur, "ak-gody," in profile. 1897. MAE I 1056-8/2

Некоторые портреты местных жителей выбиваются из шаблона «антропологического фото»: в них акцент делается не на физических атрибутах модели, а на социальном положении, семейном статусе, роде занятий и других социальных характеристиках. В них портретируемый снят в бытовом контексте, на фоне пейзажа или привычного окружения, в характерной для него позе. Приведенная выше инструкция для фотографов ИРГО называла такой тип съемки «этнографическим»: «При этнографических снимках для художественных наклонностей фотографа открывается более обширное поприще. Особого внимания при этом заслуживают костюм лица, та или другая

из любимых их поз, оружие и утварь» (Мелкие заметки, 1872, с. 86). Таковы групповые портреты местных жителей на фоне юрт или внутри юрты (МАЭ И 1056-22; МАЭ И 1056-40), портреты монгольской администрации, лам и послушников на празднике «Майдыр» (МАЭ И 1056-23; МАЭ И 1056-63; МАЭ И 1056-64; МАЭ И 1056-65; МАЭ И 1056-66; МАЭ И 1056-67), портрет шамана в окружении жителей улуса (МАЭ И 1056-80) и фотографии детей на лоне природы (МАЭ И 1056-25; МАЭ И 1056-89, МАЭ И 1056-90).

Довольно заметное место среди этнографических портретов занимают изображения людей, страдающих от болезней и различных патологий, как физического, так и социального происхождения. Выделяется портрет, озаглавленный «Мужчина-сифилитик, небольшого роста 138 см, с изъявленной головой 36 лет. Тувинец Массай, «ак-годы», в фас» (МАЭ И 1056-7). На фотографии изображен мужчина, сидящий на бревнах, босой, одетый в национальный халат; на голове у него – особым образом повязанный платок. У портретируемого – сосредоточенное выражение лица, при этом откровенных признаков болезни фотография не демонстрирует. В Отчете об экспедиции Островских описывает этого человека как «сифилитика с женским остяцким лицом» и отмечает, что у него был самый маленький рост из всех, чьи измерения он делал. Еще две фотографии – портреты тех, кого фотограф назвал «дураковатыми»: это негативы МАЭ И 1056-4 «Подросток 19 лет. На Тора-Кеме, дураковатый» и МАЭ И 1056-10 «Бюрбю-ашак» (старик-десятник), дураковатый, на фактории казака Садовского» (Рисунок 3).

В дополнение к инфекционным и психическим заболеваниям Островских фиксирует и социальные недуги, такие как пьянство. Фотография МАЭ И 1056-19 озаглавлена «Пьяная пожилая женщина, опьяневшая от «айрака» – молочной водки». Мы видим на ней пожилую женщину, сидящую на траве на фоне какой-то постройки, в национальном костюме и барашковой шапке, смотрящую в направлении камеры, при этом ее взгляд обращен в себя. Наконец, некоторая степень патологизации персонажа ощущается в названии негатива МАЭ И 1056-9, «Гальджин-баштык» – плешивая голова. Тоджинец 23 лет, поседевший от страха перед своим кредитором-казаком». Скорее всего, прозвище «плешивая голова» было дано объекту фотографирования его сплеменниками, но то, что Островских сохранил это название для снимка подчеркивает, что для российского этнографа «туземное» тело воспринималось как изначально подверженное болезням, как соматическим, так и социальным. Из 21-го «этнографического» снимка шесть либо изображают какой-то недуг, либо несут отпечаток патологизации.

Рисунок 3. П.Е. Островских. Оцифрованный негатив. «Бюрбю-ашак» (старик-десятник), дураковатый, на фактории казака Садовского. 1897. МАЭ И 1056-11/2

Figure 3. P. E. Ostrovskikh. Digitized negative. "Byurbyu-ashak" (old foreman), described as "feeble-minded," at Cossack Sadovsky's trading post. 1897. MAE I 1056-11/2

Природные пейзажи занимают большое место в тематике фотографий: не менее 30 снимков запечатлели природные характеристики региона. При этом фотографий, делающих акцент исключительно на особенностях ландшафта, немного – всего четыре. Таков, например снимок «Река Чакуль в конце сентября 1897 г.». Чаще встречаются снимки, где природа показана не в ее девственном состоянии, а обжитой местными жителями или освоенной русскими промысловиками: это урасы на опушке леса, река, по которой движется плот или на которой стоят «загороди» для ловли рыбы, а также общий вид старательского угодья золотопромышленников (Рис. 4.). Нередко

пейзаж выступает фоном для групповых снимков русских поселенцев, резвящихся на воле детей.

Рисунок 4. П.Е. Островских. Оцифрованный негатив. Золотоискатели в Саянских горах (общий вид). 1897. МАЭ И 1056-109

Figure 4. P. E. Ostrovskikh. Digitized negative. Gold prospectors in the Sayan Mountains (general view). 1897. MAE I 1056-109

Фотография ландшафта уже сама по себе производит освоение территории, и в этом смысле природные фотоснимки Островских символически присваивали территорию пограничья. Кроме того, научные интересы Островских состояли в изучении экономических ресурсов региона, что показывает его доклад «Значение Урянхайской Земли для Южной Сибири», сделанный в ИРГО вскоре после окончания экспедиции. В аннотации доклада тема экономического освоения территории заявлена как основная: «Пригодность страны для колонизации. Предметы вывоза: скот, пушнина, соль, рыба. Реки и озера Урянхайской земли в отношении рыбных богатств» (Островских 1899, с. 321). Поэтому неудивительно, что фотографии природы обнажали государственническую повестку фотографа, определяя выбор объектов для съемки.

Тема религиозных верований и культа довольно широко представлена в коллекции, ей посвящено 34 фотографии.

> «Тоджинцы по преимуществу шаманисты, хотя официальная религия их, как и всех урянхайцев, ламаизм. В алачике часто нет и внешних признаков буддизма и целая масса шаманских эреней … ламы идут лечиться к шаманам, и вообще трудно разобрать, где кончается шаманство и где начинается буддизм»,

– писал Островских в Отчете ИРГО (Островских 1898, с. 428). Фотографический ряд лишь частично подтверждает равноправие шаманизма и буддизма в жизни тувинцев. Снимков, посвященных буддистской религии (снимки монастыря, лам и послушников, отдельные моменты праздника «Майдыр» (Рис. 5), предметы культа и одеяния лам) в коллекции 23. Только 11 фотографий посвящены шаманизму: это фотографии шаманов и членов их семей, детали шаманского облачения и культа.

Рисунок 5. П.Е. Островских. Оцифрованный негатив. Группа тувинцев близ хурэ на празднике «Майдыр». У женщин повязаны ленты через плечо, 1897. МАЭ И 1056-54

Figure 5. P. E. Ostrovskikh. Digitized negative. A group of Tuvans near khuree (monastery) at the “Maidyr” festival. The women wear ribbons over their shoulders. 1897. MAE I 1056-54

Объекты материальной культуры были предметом особого интереса, учитывая, что Островских целенаправленно собирал коллекцию для Берлинского этнологического и Минусинского краеведческого музеев

в ходе экспедиции. В своем Отчете он сообщает о 600 предметах, собранных по поручению Берлинского музея (Островских 1898, с. 432). Это собрание включало в себя предметы быта (седла, элементы оленьей упряжи, устройства для обработки шкур, элементы традиционного костюма, детские люльки), объекты, использовавшиеся в буддийских церемониях и в шаманском культе, включая традиционные облачения лам и шаманов, музыкальные инструменты и другие предметы. Часть предметов Островских сфотографировал крупным планом при хорошем освещении, вероятно, для целей учета наиболее значительных находок. Коллекция фотографий МАЭ РАН содержит изображения седел с изысканным узором на клапане седла, стремян, детских люлек, элементов шаманского костюма (нагрудник, нож с ножнами, головной убор), принадлежностей буддийского культа, включая лопатки марала с тибетскими письменами. Портретные и жанровые снимки тоже дают представление о материальной культуре тувинцев этого времени: мы видим на них традиционный костюм тон (длинный халат из меха или ткани с застежками на правую сторону) и меховые головные уборы. В объектив фотографа также попал домашний скарб в юрте бедного тувинца, в том числе шаманские амулеты, висящие по стенам (МАЭ И 1056-35).

Образы русских поселенцев – значительная часть фотоколлекции: им посвящено 30 снимков, то есть четверть всего объема изображений. Большая часть фотографий – это индивидуальные и групповые портреты купцов, выстроивших торговые поселения на северо-востоке Урянхайского края и обосновавшихся там со своими семьями. Строя маршрут экспедиции, Островских учитывал возможность использовать русские торговые фактории как места для стоянок. Проведя по несколько дней на факториях, он сделал снимки многих жителей. Таковы портреты членов семьи казака Ф. С. Скобеева в интерьере дома (МАЭ И 1056-88) и на берегу реки (МАЭ И 1056-90), портреты казака Садовского, его сына и работников фактории (МАЭ И 1056-94, МАЭ И 1056-95, МАЭ И 1056-96, МАЭ И 1056-104), портрет торговца Горбунова с дочкой (МАЭ И 1056-92) и фото в формате *carte de visite* купца Сафьянова (МАЭ И 1056-86). Кроме того, Островских документировал формы повседневной жизни и виды занятий русских поселенцев: таковы фотографии общего вида и внутреннего двора фактории, снимки рыбаков на плоту, золотоискателей на прииске и т. д. Тематически они относятся к фотографиям жилища и хозяйственной деятельности, о которых речь пойдет ниже, но также дают представление о в внешнем облике, позах, жестах, манере одеваться и других видимых атрибутах, отличавших русское население от представителей других этносов, проживавших в регионе.

Отдельная важная тема фотографий – это портреты детей. В коллекции 14 фотографий, изображающие детей разных возрастов, от младенцев до подростков. Из них 8 – дети местных тувинских жителей и 6 – дети русских. Российские этнографы на рубеже XIX и XX веков еще не сделали культуру детства объектом своего специального изучения, как это случилось в первые

десятилетия XX века, но регулярно включали в свои труды, посвященные народному быту и традиционным формам жизни у разных народов материалы на темы воспитания детей и обрядам детского цикла – родам, выбору имени, уходу за ребенком и т. д. (Комарова, 2016, с. 338). Островских следует сложившейся научной традиции и включает образы детства в создаваемый им визуальный ряд жизни пограничья. Несколько снимков детей тувинцев сделаны в стилистике антропологического портрета, но большая часть показывает детей в естественном окружении – на фоне природных пейзажей или в привычной обстановке поселения (Рис. 6).

Рисунок 6. П.Е. Островских, 1897. Оцифрованный негатив. Группа детей на фактории казака Садовского: слева два послушника в желтых халатах, справа два мальчика светского знания, 1897. МАЭ И 1056-21

Figure 6. P. E. Ostrovskikh. Digitized negative. A group of children at Cossack Sadovsky's trading post: on the left, two novices in yellow robes; on the right, two boys of secular rank. 1897. MAE I 1056-27

Описание традиционного жилища как ключевого элемента культуры изучаемых народов было важной составляющей в отечественной этнографии. Островских сделал снимки традиционного жилища тувинцев-тоджинцев –

конусообразной крытой берестой юрты (алачека) как снаружи, так и изнутри. На двух негативах изображена круглая войлочная юрта «западных тувинцев». Есть также фотографии комплекса монастырских построек, где ламы жили зимой. Наконец, как уже было отмечено, в коллекции есть фотографии строений русской фактории, включавших дом и хозяйственные постройки, обнесенные общим забором.

Образы хозяйственной деятельности на фотографиях описывают занятия исключительно русского населения региона: это фотографии рыбацкой артели (МАЭ И 1056-101; МАЭ И 1056-102), старательского угодья золотодобытчиков (МАЭ И 1056-109; МАЭ И 1056-110; МАЭ И 1056-111), «загородей» на маленьких реках для ловли рыбы (МАЭ И 1056-100/1; МАЭ И 1056-100/2). В коллекции нет фотографий, которые бы показывали занятия тувинцев, будь то оленеводство или охота. Возможно, отсутствие снимков оленеводов можно объяснить отсутствием доступа к пастухам, пасшим оленей высоко в горах в летний период. Важно также, что в анализе экономики Урянхайского края, как было показано выше, Островских делал акцент на возможностях освоения ресурсов территории российским государством. Фотографии, иллюстрирующие природные богатства региона и сооружений, связанных с добычей ресурсов, таких как шахты или фактории, имели адресатом российское государство и его представителей. Фактически, в репрезентации темы хозяйственной деятельности Островских меняет оптику ученого-этнографа на взгляд экономиста- хозяйственника и чиновника.

В завершение тематического обзора коллекции отметим, что ряд фотографий документируют сам ход экспедиции и ее участников: несколько снимков изображают привалы в пути и снаряжение путешественников (МАЭ И 1056-105; МАЭ И 1056-107; МАЭ И 1056-108). Негатив МАЭ И 1056-103 сохранил облик самого фотографа. На этой фотографии Островских снят вместе с сыном купца Садовского, Шуркой, который работал переводчиком в экспедиции, т. е. снимок сделан третьим лицом. На снимке – два всадника, лицом друг к другу, на фоне строений фактории. Справа – Островских в европейской одежде, кожаных сапогах и щегольской шляпе. Переводчик Шурка – в национальном костюме и меховой шапке (Рис. 7). Ценность снимка для анализа коллекции состоит не только в том, что он дает возможность представить внешность самого фотографа. Снимок дает ключи к особенностям саморепрезентации Островских как «начальника экспедиции»: добротный европейский костюм, «колониальный» шлем и кожаная сумка через плечо создают образ «просвещенного европейца», приехавшего изучать местное туземное население, а поза всадника создает эффект пространственного доминирования над окружающим.

Рисунок 7. П.Е. Островских, 1897. Оцифрованный негатив. Начальник экспедиции П.Е. Островских со своим переводчиком Садовским Шуркойна фактории Садовского на р. Тоора-Кем. 1897. МАЭ И 1056-103

Figure 7. P. E. Ostrovskikh. Digitized negative. Head of the expedition P.E. Ostrovskikh with his translator Shurka Sadovsky at Sadovsky's trading post on the Toora-Khem River. 1897. MAE I 1056-103.

Таким образом, коллекцию отличает многообразие тем и сюжетов, отражающих разнообразные исследовательские интересы фотографа. Будучи ученым-этнографом, Островских фиксировал с помощью фотоаппарата многие аспекты быта и традиционной культуры, которые были обязательными в этнографических исследованиях того времени – характеристики природных условий, внешности и антропологических типов населения, физических норм и аномалий, жилища, религиозных верований, обрядов детства и т. д. Однако в ситуации пограничья, порождающей взаимодействие нескольких социальных субъектов и культур, фотографии также отражали гетерогенность состава населения и жизненных укладов. Действуя как представитель российской имперской науки, Островских фиксировал с помощью фотокамеры экономический потенциал территории и возможности промыслового осво-

ения региона, посвящая большой объем фотографий хозяйственной деятельности русского населения.

Визуальный язык фотографий и гетерогенность фронтира

Визуальный язык фотографий был неоднородным: фотографируя внешние атрибуты жизни русских поселенцев, Островских использовал приемы съемки, которые довольно сильно отличались от приемов и условностей фотографирования инородцев. Для Островских русские как этнос не являлись предметом описания и изучения, поэтому он не делал антропологических или этнографических портретов русских поселенцев. Большинство портретных фотографий композиционно и стилистически вписываются в формат студийной съемки, хотя, конечно, ничего похожего на фотостудию на факториях не было[1]. Тем не менее, Островских использовал приемы такой съемки: он усаживал свои модели в интерьере дома, на фоне импровизированного задника, при этом камера находилась примерно на уровне лиц фотографируемых. Модели располагались определенным образом: группа из двух или четырех человек образовывала двухуровневую композицию, как на снимке МАЭ И 1056-88, а в двойном портрете модели рассаживались рядом друг с другом (МАЭ И 1056-92). Герои фотографий не просто знали о факте съемки, но специально готовились к ней. На всех участниках групповых фото – праздничная одежда: сюртуки и светлые рубашки на мужчинах, нарядные платья и кружевные шали на женщинах. Таков, к примеру, групповой портрет купца Скобеева с сыном, снохой и внучкой (МАЭ И 1056-88). Отпечаток этой же фотографии, воспроизводимый в издании «Урянхай. Тыва дептер» дает более полный кадр, чем сохранившийся на негативе в коллекции МАЭ РАН, и на нем мы видим не только праздничную одежду, надетую участниками по случаю фотографирования, но и знаки благополучия и достатка в виде ковра на полу (Урянхай, 2014, с. 163). Несколько фотографий русских поселенцев были сделаны на пленэре. Это групповые снимки МАЭ И 1056-90/1 и 90/2 «Вся семья торговцев Скобеевых. На берегу Бей-кема», изображающие большую группу людей на фоне живописно поваленного дерева на берегу реки. Это постановочная фотография: шестеро взрослых и шестеро детей расположены в кадре так, чтобы все лица были хорошо видны; очевидно, что люди на фотографии готовилась к съемке, так как на всех – праздничная одежда русского или европейского типа.

Разница в конвенциях и приемах фотографирования свидетельствует не просто о разнородности групп населения, представленных на снимках, но о культурной иерархии между этими группами. Это такой тип иерархии, который описывает Басалаева в своем анализе «фронтирующих групп», т. е. групп, оказавшихся в близком контакте благодаря возникновению подвижной границы: «одна из этих групп (доминантная) имеет отношение

1 Об условностях студийной съемки в конце 19 века см. Гавришина, 2011, с. 35-38

к «имперской» (то есть ориентированной на территориальную экспансию и господство, на присвоение «права владеть пространством») государственности и демонстрирует культуртрегерские амбиции. Вторая сторона идентифицируется в эволюционистской системе координат – как «примитивное общество» (Басалаева 2012, 47). Фотографии русских жителей в манере студийной съемки невольно вписывали их в культурные практики модерного общества, визуальные режимы современности, в то время как съемки «туземцев» экзотизировали своих персонажей, символически помещая их в вечно длящуюся архаику.

Контраст в приемах фотографирования русских жителей и инородческого населения особенно ярко проявляется в портретах женщин, которых связывали с русскими поселенцами отношения сожительства, а также в снимках их детей. Судя по коллекции, подобные связи были широко распространены: из восьми фотографий «туземных» детей пять – это фотографии тех, кого Островских называет «метисами», т. е. рожденными местными женщинами от русских мужчин. Такая связь не меняла статус женщины, и она не становилась частью русской семьи, оставаясь представителем «аборигенного населения». Сравнение фотографии снохи Скобеева с ребенком (Рис. 8) и «Машки (Сагдывак)», имевшей детей от казака Садовского (Рис.9), обнажает визуальный контраст между съемкой «цивилизованной женщины» и «туземки», между студийной съемкой и «антропологической фотографией». В основе этого контраста лежит противопоставление одетого, освященного культурой и традицией, в значительной степени недоступного тела белой женщины и тела «примитивной женщины», чья обнаженность довольно легко прочитывается как сексуальность и доступность.

Образы детей-«метисов» часто встречаются в одном кадре с «законными» детьми, как, например, на снимке МАЭ И 1056-89 «Дети казака Скобеева: трое от тувинки; девочка от русской матери». Образ русского ребенка вступает здесь в визуальный контраст с образами «инородческих» детей за счет светлой и нарядной одежды (белый передничек, платье с рукавами-фонариками, яркие полосатые чулки), свободной позы и улыбающегося лица. Дети-«метисы» одеты в темную одежду и выглядят довольно скованно. Стилистические различия в съемке русского и туземного населения были хорошо описаны на примере американской фотографии, где «портрет достойного гражданина выступает контрапунктом к образу традиционного индийца, который не хочет или сопротивляется модернизации» (Williams 2007, с. 33).

Интересно, что фотографии типов жилища и хозяйства русских жителей практически не несут знаков удаленности или экзотики. Снимки двух русских факторий (МАЭ И 1056-97; МАЭ И 1056-98) ничем не выдают того факта, что они находятся на Китайской территории и в окружении другой культуры. На второй фотографии зритель видит картину, которая могла бы быть снята в любой русской деревне: внутренний двор и комплекс традиционных деревенских построек, женщина в русском сарафане на крыльце, разгуливающие петухи, курицы, козочки, играющие дети (Рис. 10).

Рисунок 8. П.Е. Островских. Оцифрованный фотоотпечаток. Жена казака Скобеева с ребенком. 1897. РЭМ 144-74

Figure 8. P. E. Ostrovskikh. Digitized print. The wife of Cossack Skobeev with a child. 1897. REM 144-74.

Рисунок 9. П.Е. Островских, 1897. Оцифрованный негатив. Женщина 28 лет. Сагдыйван или Машка, живет большую часть года на русской фактории; имеет детей от русского казака. «Кара-тод», в фас, 1897. МАЭ И 1056-15

Figure 9. P. E. Ostrovskikh. Digitized negative. A woman of 28 years old. Sagdyivan or Mashka, lives most of the year at the Russian trading post; has children from a Russian Cossack, "kara-tod," en face. 1897. MAE I 1056-15.

Рисунок 10. П.Е. Островских. Оцифрованный негатив. Торговая фактория на р. Систекем. 1897. МАЭ И 1056-98

Figure 10. P. E. Ostrovskikh. Digitized negative. Trading post at the Sistikem River. 1897. MAE I 1056-98.

«Порой эта страна производит впечатление совершенно подвластной русским», – писал Островских в статье «Значение Урянхайской земли для Южной Сибири (Островских 1899; с. 337). По его мнению, способы хозяйствования, жилья и быта, привнесенные русскими жителями, активно перенимались автохтонным населением; при этом жители метрополии якобы практически ничего не перенимали у тувинцев или монголов.

> Русские строят дома по-своему и теперь, по крайней мере в Тоджинском хошуне, зимние жилища при монастыре для лам … строятся из бревен, как русские избы, только без окон, а с верхним светом. Траву косят русские по-своему, выдалбливают челноки, неизвестные ранее урянхам. Почти все заведения обставлены полным домохозяйством: куры, утки, поросята, даже тараканы – все это совершенная новость как для степных, так и таежных урянхов. Часто вы видите, как на большом торговом заведении русский хозяин собирается на рыболовье и как распоряжается туземцами-рабочими, или как такой русский кузнец приказывает приехавшим для закупок урянхам заседлать лошадей – и тогда для вас полная иллюзия, так как подобные картины можно наблюдать по всей великой Сибири (там же).

Восприятие культуры русских поселенцев в условиях фронтира как устойчивой и автономной значительно отличается от описания динамики культурного взаимодействия основоположником теории фронтира Дж. Тернером. В его трактовке американская культура формировалась в процессе преобразовании дикой природы европейскими поселенцами, испытавшими значительное влияние коренного американского населения:

> Дикая местность подчиняет себе колониста. … Дикая местность выводит колониста из железнодорожного вагона и сажает его в каноэ из березовой коры. Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает в охотничью куртку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом (Тернер, 2009; с. 17).

В то же время некоторые детали на фотографиях Островских нарушают восприятие культуры русских поселенцев как герметичной и невосприимчивой к влияниям местных тувинских обычаев и реалий. Время от времени на снимках встречаются образы русских жителей, облаченных в национальную одежду местных, как, например, на фотопортретах сына купца Садовского (МАЭ И 1056-103, МАЭ И 1056-104). Иными словами, фиксируя непреднамеренные элементы, попавшие в объектив, возможно, помимо воли фотографа, фотография усложняет образ фронтирных взаимодействий, демонстрируя, что процессы обмена материальными предметами, товарами и элементами жизненного уклада шли в обоих направлениях.

Заключение

Фотоколлекция негативов МАЭ И 1056, хранящаяся в Музее антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), представляет собой уникальный визуальный документ, отразивший ход и результаты первой научной экспедиции русского этнографа, П. Е. Островских, в Урянхайский край в 1897 г. Обладая многими чертами фронтирной зоны, территория Урянхайского края на рубеже XIX и XX веков была пространством сложных социально-политических, хозяйственных и культурных взаимодействий между многими социальными субъектами, такими как местное автохтонное население, представители Китайской администрации, буддийское духовенство и русские поселенцы. Островских создал в своих фотографиях образ пространства, в котором действуют различные социальные и этнические субъекты, а также разнообразные типы связей – между человеком и природой, между экономическими, бытовыми и религиозными укладами и т. д.

Фотоколлекцию отличало уникальное тематическое разнообразие: в статье выделено 13 тематических тегов, т. е. повторяющихся тем и сюжетов, которые частично соответствуют тематическим разделам музейной описи («типы и группы населения», «общественный строй», «жилище», «материальная культура» и т.д.), но указывают и на другие темы, попадавшие с объектив фотоаппарата с достаточной периодичностью («дети», «болезнь»,

«промыслы», и т. д.) Портреты «инородцев», снятые в конвенциях «антропологической» и «этнографической» съемки, составляли наиболее частотный жанр внутри коллекции. Вторыми по степени представленности были фотопортреты русских поселенцев, снятые в манере студийной съемки, что составляло значительный визуальный контраст с приемами фотографирования «туземцев» и обнажало неравный социокультурный статус фронтирных групп. В целом, тематическое распределение негативов, приемы съемки и визуальный язык фотографий отражали гетерогенную реальность пограничья, его разнообразных акторов и множественные взаимодействия между ними.

Список литературы

Kuzmin, S. L. (2018). The Uriankhai issue and Mongolia-Tuva relations in the early the 20th century. *Oriental Studies*, 37(3), 2–14. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-2-14

Sandweiss, M. A. (2000). *Print the Legend: Photography and the American West*. Yale University Press.

Sen, D. V. (2020). Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 66–80. https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.104

Williams, C. J. (2007). Beyond Illustration: Illuminations of the Photographic "Frontier". *Journal of the West*, 46(2), 29–40.

Агеев, А. Д. (1997). Американский «фронтир» и сибирский «рубеж» как факторы цивилизационного разлома. В *Американский и сибирский фронтир* (сс. 30–36). Издательство Томского университета.

Басалаева, И. П. (2012). Критерии фронтира: К постановке проблемы. *Теория и практика общественного развития*, 2, 46–49.

Басалаева, И. П., Дубман, Э. Л., Мизис, Ю. А., Мильчев, В. И., Сень, Д. В., Урушадзе, А. Т., & Ходарковский, М. (2020). Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сеня. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 81–105. https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.105

Ванштейн, С. И. (1961). *Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки*. Издательство восточной литературы.

Вдовин, А. С., Данилейко, В. А., & Ипполитова, А. Б. (2010). Петр и Константин Островских: Гимназические и студенческие годы (первые исследования 1879-1896 гг.). *Енисейская провинция*, 5, 97–105.

Гавришина, О. В. (2011). *Империя света*. Новое литературное обозрение.

Головнев, И. А., Головнева, Е. В., Шанта, И., & Сафонова, Т. (2018). Визуально-антропологические репрезентации фронтирных территорий (на примере деятельности В. К. Арсеньева и Б. Б. Баратоши на Дальнем Востоке). *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры*, 24(4), 208–215.

Данилейко, В. А., & Ипполитова, А. Б. (2015). Островских (Островский) Петр Евгеньевич. В *Неизвестные страницы русской фольклористики* (сс. 491–498). Индрик.

Замятина, Н. Ю. (1998). Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах. *Общественные науки и современность*, 5, 75–89.

Иванов, Д. В. (2014). Первые фотографии, сделанные в Монголии русскими путешественниками. *Страны и народы Востока: Коллекции, тексты и их биографии*, 35, 170–185.

Комарова, Г. А. (2016). Отечественные традиции этнологического изучения мира детства. В *Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии* (сс. 338–358). ИЭА РАН.

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б., & Кужугет, Ш. Ю. (2024). Тувинский семейный фотоальбом: социальные практики создания и хранения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 23(1), 86-97. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97

Мелкие известия. Наставления для желающих изготовлять фотографические снимки на пользу антропологии. (1872). *Известия ИРГО*, 2(8), 86–88.

Островских, П. Е. (1897). План поездки в страну сойотов. *Известия Императорского Русского Географического Общества*, 33, 94–95.

Островских, П. Е. (1898). Краткий отчёт о поездке в Тоджинский хошун урянхайской земли. *Известия Императорского Русского Географического Общества*, 34(4), 321–353.

Островских, П. Е. (1899). Значение Урянхайской земли для Южной Сибири. *Известия Императорского Русского Географического Общества*, 35, 321–353.

Островских, П. Е. (1927a). *Саянские хищники*. Государственное Издательство.

Островских, П. Е. (1927b). Оленные тувинцы. *Северная Азия*, 5–6, 79–94.

Райков, М. И. (2007). Отчет о поездке к верховьям реки Енисея, совершенной в 1897 г. По поручению Императорского Русского Географического Общества. В *Урянхай. Тыва дептер: Т. 5. Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве (конец XIX – первая половина XX вв.)* (сс. 186–201). Слово.

Резван, Е. А. (2016). *Туркестан*. ООО «КМБХ».

Резун, Д. Я., & Шиловский, М. В. (2005). *Сибирь, конец XVI – начало XX века: Фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов*. Сова.

Рязанцев, С. В., & Смирнов, А. В. (2022). Из истории заселения русскими Урянхайского края. *Oriental Studies*, 15(5), 979–992. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-63-5-979-992

Саввинов, А. И. (2017). Пять лет в Туруханском крае. Долганы и якуты в исследованиях П.Е. Островских. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 3, 43–52.

Совет Народных Комиссаров РСФСР. (1923). *Декрет от 16 февраля 1923 года «О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед Республикой»*. http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=156385522204374021046455199&cacheid=0880DE338F6196D59FC8752E7E9495EF&mode=splus&base=ESU&n=3780&rnd=B28FF7AB00C2E9085309934646FD3185#1mgdy8sv5m1

Толмачева, Е. Б. (2011). Развитие отечественной методики полевой этнографической фиксации. В *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН* (сс. 174–180). Кунсткамера.

Урянхай. Тыва дептер: Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. Э. - Первая половина XX в.). (2014). б. и.

Чодураа, К. И. (2023). Первые экспедиции по этнографическому изучению Тувы в конце XIX – начале XX вв. *Азиатские исследования: история и современность*, 2–3, 115–133. https://doi.org/10.24412/2782-6139-2023-6-7-115-133

References

Ageev, A. D. (1997). The American “frontier” and the Siberian “rubezh” as factors in civilizational rupture. In *The American and Siberian Frontiers* (pp. 30–36). Tomsk University Publishing House. (In Russian).

Basalaeva, I. P. (2012). Criteria For Frontier: Statement of the Problem. *Theory and Practice of Social Development*, 2, 46–49. (In Russian).

Basalaeva, I. P., Dubman, E. L., Misis, Yu. A., Milchev, V. I., Sen, D. V., Urushadze, A. T., & Khodarkovsky, M. (2020). How to study frontiers today? Discussion on the article by D. V. Sen’. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 81–105. https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.105 (In Russian).

Choduraa, K. I. (2023). The first expeditions on the ethnographical research of Tuva in the late XIX – early XX centuries. *Asian Studies: History and Modernity*, 2–3, 115–133. https://doi.org/10.24412/2782-6139-2023-6-7-115-133 (In Russian).

Council of People's Commissars of the RSFSR. (1923). *Decree of February 16, 1923, “On Personal Pensions for Persons Who Have Rendered Exceptional Services to the Republic.”*. http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=156385522204374021046455199&cacheid=0880DE338F6196D59FC8752E7E9495EF&mode=splus&base=ESU&n=3780&rnd=B28FF7AB00C2E9085309934646FD3185#1mgdy8sv5m1 (In Russian).

Danileiko, V. A., & Ippolitova, A. B. (2015). Ostrovskikh (Ostrovsky), Pyotr Evgenievich. In *Unknown pages of Russian folklore studies* (pp. 491–498). Indrik. (In Russian).

Gavrishina, O. V. (2011). *Empire of Light*. New Literary Review. (In Russian).

Golovnev, I. A., Golovneva, E. V., Shanta, I., & Safonova, T. (2018). The Visual and Anthropological Representations of Frontier Territories (Case of V. Arseniev and B. Baràthosi in the Far East). *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*, 24(4), 208–215. (In Russian).

Ivanov, D. V. (2014). The Earliest Photographs Taken in Mongolia by Russian Travellers. *Countries and peoples of the East: Collections, texts, and their biographies*, 35, 170–185. (In Russian).

Komarova, G. A. (2016). Domestic traditions of ethnological study of the world of childhood. In *The phenomenon of interdisciplinarity in Russian ethnology* (pp. 338–358). Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Kuzmin, S. L. (2018). The Uriankhai issue and Mongolia-Tuva relations in the early the 20th century. *Oriental Studies*, 37(3), 2–14. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-2-14

Lamazhaa, Ch. K., Mainy, Sh. B., & Kuzhuget, Sh.Yu. (2024). Tuvan Family Photo Album: Social Practices of Creation and Preservation. *RUDN Journal of Russian History*, 23(1), 86-97. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97

Ostrovskikh, P. E. (1927b). Reindeer-herding Tuvans. *Northern Asia*, 5–6, 79–94. (In Russian).

Ostrovskikh, P. E. (1897). Plan for a trip to the land of the Soyots. *Izvestiya of the Imperial Russian Geographical Society*, 33, 94–95. (In Russian).

Ostrovskikh, P. E. (1898). Brief report on a trip to the Tojinsky khoshu of the Uryankhai region. *Izvestiya of the Imperial Russian Geographical Society.*, 34(4), 321–353. (In Russian).

Ostrovskikh, P. E. (1899). The significance of the Uryankhai region for Southern Siberia. *Izvestiya of the Imperial Russian Geographical Society.*, 35, 321–353. (In Russian).

Ostrovskikh, P. E. (1927a). *Predators of the Sayan Mountains*. State Publishing House. (In Russian).

Raikov, M. I. (2007). Report on a trip to the upper reaches of the Yenisei River, undertaken in 1897 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society. In *Uryankhai. Tyva Depter*: *Vol. 5. The Uryankhai Region: From Uryankhai to Tannu-Tuva (Late 19th – First Half of the 20th Centuries)* (pp. 186–201). Slovo. (In Russian).

Rezun, D. Y., & Shilovsky, M. V. (2005). *Siberia, late 16th – early 20th centuries: The frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes*. Sova. (In Russian).

Rezvan, E. A. (2016). *Turkestan*. KMBKh LLC. (In Russian).

Ryazantsev, S. V., & Smirnov, A. V. (2022). Ethnic Russian Inflows to the Territory of Uryankhay Krai: Glimpses of History. *Oriental Studies*, 15(5), 979–992. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-63-5-979-992 (In Russian).

Sandweiss, M. A. (2000). *Print the Legend: Photography and the American West*. Yale University Press.

Savvinov, A. I. (2017). Five Years in the Turukhansk Region: Dolgans and Yakuts in the Studies of P. E. Ostrovskikh. *North-Eastern Journal of the Humanities*, 3, 43–52. (In Russian).

Sen, D. V. (2020). Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 66–80. https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.104

Small news. Instructions for those wishing to take photographs for the benefit of anthropology. (1872). *IRGO News*, 2(8), 86–88. (In Russian).

Tolmacheva, E. B. (2011). Development of domestic methods of field ethnographic recording. In *Radlovsky Collection. Scientific Research and Museum Projects of the MAE RAS* (pp. 174-180). Kunstkamera. (In Russian).

Uryankhai. Tyva Depter: An anthology of scientific and educational thought about the ancient land of Tyva and its inhabitants, about Uryankhai-Tannu-Tyva, the Uryankhai-Tyva people, and the antiquities of Tyva (2nd millennium BC – first half of the 20th century). (2014). (In Russian).

Vanshtein, S. I. (1961). *The Tuvans-Tojins: Historical and Ethnographic Essays*. Publishing House of Oriental Literature. (In Russian).

Vdovin, A. S., Danileiko, V. A., & Ippolitova, A. B. (2010). Peter and Constantine Ostrovsky: Gymnasium and University Years (Early Studies, 1879–1896). *Eniseyskaya provintsiya*, 5, 97–105. (In Russian).

Williams, C. J. (2007). Beyond Illustration: Illuminations of the Photographic "Frontier". *Journal of the West*, 46(2), 29–40.

Zamyatin, N. Yu. (1998). Settlement Zone (Frontier) and its Image in American and Russian Cultures. *Social Sciences and Contemporary World*, 5, 75–89. (In Russian).